

9. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: СПб., 2003. – 288 с.
10. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
11. Романова, Н. Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М.: Флинта, 2009. – 304 с.
12. Сковрцов, Л. И. Основы культуры речи: хрестоматия / Л. И. Сковрцов. – М.: Высш. шк., 1984. – 312 с.
13. Соколова, В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – М.: Просвещение, 1995. – 190 с.
14. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
15. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

(Дата подачи: 18.02.2016 г.)

Е. В. Гаврилуца

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест

E. V. Haurylutsa

Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest

УДК 159.9

АГРЕССИВНОСТЬ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НАСИЛИЯ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

AGRESSION AS THE CONSEQUENCE OF VIOLENCE IN BOYS AND GIRLS ADOLESCENCE

В статье представлены результаты исследования агрессивности у юношей и девушек подросткового возраста, перенесших насилие в семье. Отмечается, что юношам – жертвам насилия в большей степени характерна физическая агрессия, а девушкам – жертвам насилия в большей степени присущи чувство вины и обида.

Ключевые слова: насилие; агрессивность; жертвы насилия; юноши и девушки без(с) опыта(ом) насилия в семье.

The article presents the results of a study of aggression in boys and adolescent girls who have undergone domestic violence. The article notes that the young men are victims of violence are more characteristic of physical aggression, girls victims of violence to a greater extent inherent guilt and resentment.

Key words: violence; aggression; a victim-violence; boys and girls without (with) experience violence in a family.

Проблема исследования психологических последствий насилия в семье с каждым годом приобретает все большую актуальность, что объясняется, с одной стороны, ростом числа случаев жестокого обращения в детско-родительских отношениях, с другой – меняющимися в обществе стандартами семейных отношений, где насилие выступает препятствующим гармоничному развитию фактором.

Термин «насилие» имеет множество трактовок: психическое насилие, физическое насилие, пренебрежение правами ребенка (А. Н. Голик, И. В. Грачев, С. В.Ильина, К. Колл, Е. И. Цымбал и др.); жестокое обращение с ребенком (И. А. Алексеева, Э. Бенам, А. Р. Сейсян); неадекватное родительство, т. е. симбиоз и эмоциональная депривация (И. А. Невский, Е. Т. Соколова) [1; 2].

В современной научной литературе существует два подхода в определении данного понятия: расширительный и узкий. В первом случае под насилием понимается причинение физического и морального, психологического ущерба, во втором – применение физической силы, т. е. всяческое ущемление физических потенций человека. В зарубежной науке авторы, как правило, придерживаются узкого понимания, в то время как в отечественной науке такой подход был характерен для ранних исследователей; в настоящее время доминирует расширительное толкование. В данной работе насилие рассматривается в узком смысле, а именно как применение физической силы к жертве насилия.

Причины, провоцирующие насилие над детьми и подростками в семье, пытаются объяснить многие существующие в настоящее время теории. В основном все они отражают убеждения того или иного исследователя. Однако анализ литературы позволяет выделить три основные модели причин (факторов) насилия в семье (Д. Иванюк, К. Брон, Р. Лэнг, Э. Миллер, А. В. Орлов и др.):

- психопатические, центрированные на предрасположенностях к насилию родителей (алкоголь, наркотики, агрессивность, коммуникативная некомпетентность, суицидальные наклонности, депрессивность и т. п.) и детей (недоношенность, болезненность, физические и психические недостатки и т. п.);
- социальные, объясняющие насилие через внешние (социальные) факторы и условия (бедность, низкий уровень дохода, безработица, низкий образовательный и культурный уровень);
- психосоциальные, стремящиеся интегрировать психологические и социальные факторы насилия [3].

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что практически все подростки, пострадавшие от насилия, пережили психическую травму, оставляющую отпечаток в виде личностных, эмоциональных и поведенческих особенностей, отрицательно влияющих на их дальнейшую жизнь.

Тяжесть последствий физического и сексуального насилия зависит от обстоятельств, связанных с особенностями ребенка (возраст, уровень развития и свойства личности) и насильника, от продолжительности, частоты и тяжести насильственных действий, от реакции окружающих [2].

Насилие над подростком может приводить как к кратковременным, так и к хроническим нарушениям в эмоциональной, познавательной и поведенческой сферах. У подвергавшихся насилию подростков часто формируется низкая самооценка, ухудшается эмоциональная и поведенческая саморегуляция, отмечаются нарушения пищевого поведения и школьной адаптации, симптомы посттравматического стрессового расстройства или депрессии. Вызванные насилием нарушения развития могут в дальнейшем вызвать также сексуальные

проблемы и расстройства личности, приводить к криминальному и антисоциальному поведению. Во многих случаях эти нарушения сохраняются на протяжении длительного времени, вызывая состояния психосоциальной дезадаптации у взрослых. Нередко одним из последствий насилия в детстве выступают диссоциативное расстройство и так называемое расстройство множественной личности. Кроме того, оно может способствовать формированию специфических семейных отношений, особых жизненных сценариев [1; 4; 5].

Одним из психологических последствий насилия как причинения физического ущерба является агрессивность (Г. И. Каплан, Е. Т. Соколова и др.). Так, Ю. М. Антонян отмечает, что нарушения взаимоотношений в родительской семье могут привести к формированию агрессивной индивидуальности, так как они «деформируют личность, препятствуют формированию одних ее сторон, подчиняют себе другие... Появляется тревожность как непреходящее свойство личности и отсюда ожидание агрессии и готовность сопротивляться ей, даже нанося упреждающие удары» [6, с. 181].

С одной стороны, эмоциональные и поведенческие проблемы, связанные с выражением агрессивности, вызваны контролем над собственными импульсами жертвы насилия, с другой – идентификацией детей с их родителями или другими взрослыми, склонными к насилию. Именно механизм «идентификации с агрессором» является основным защитным механизмом против чувства тревоги и беспомощности. Впервые данный механизм был описан А. Фрейд, которая рассматривает несколько вариантов формирования идентификации с агрессором как психологической защиты:

- уподобление человеку, которого ребенок боится, через его мимику, действия, изображение эмоций;
- придумывание способов защиты через повторение иллюзорных действий возможного агрессора. В таких ситуациях идентификация – это смена ролей, когда ребенок встает в позицию устрашающего объекта и сам становится агрессором;
- отождествление с силой агрессора, а не с ним самим. В таких ситуациях идентификация – это проявление формирующегося сверх-Я ребенка, когда ребенок не проявляет агрессию, а находит способ ее предотвращения в будущем способом защиты;
- изображение агрессоров с целью тренировки собственного влечения при отсутствии реальных агрессивных действий к ребенку со стороны взрослых или сверстников. В агрессивной игре идентификация – это своеобразный тренинг агрессивного влечения, когда внутренний агрессор может приобретать вид воина, монстра или терминатора [7].

Особенно актуальна проблема агрессивности как реакции на насилие со стороны взрослых в подростковом возрасте. Так, физиологические и психо-эмоциональные изменения, происходящие в развитии подростка, наполняют данный возрастной период психического развития стрессами и конфликтами, эмоциональной нестабильностью, энтузиазмом и смятением. В свою очередь чрезмерная агрессивность, раздражительность жертв насилия препятствует установлению доверительных близких отношений в среде сверстников, чем

усложняет прохождение подросткового кризиса, становление и развитие ведущей деятельности возраста – установление интимно-личностных отношений со сверстниками.

Между тем в исследованиях российских и зарубежных психологов проблема проявления агрессивности подростков, подвергающихся или подвергавшихся насилию, изучена недостаточно. Существующие исследования описывают проявление агрессивности у подростков (Ю. Б. Можгинский, А. Налчаджян), в том числе гендерные особенности агрессивности (А. А. Реан, Н. Б. Трофимова), исследования агрессивности как последствия посттравматического стрессового расстройства (А. А. Портнова).

Исследования агрессивности детей и подростков как фактора и последствия деструктивных детско-родительских отношений представлены следующим: установлена взаимосвязь жестокого обращения с детьми и асоциального поведения жертв насилия (С. А. Беличева, Е. Н. Волкова, Е. М. Вроно, И. Н. Григорович, В. Е. Дружинин и др.); дана педагогическая и психологическая характеристика детей, подвергающихся жестокому обращению (А. В. Бабушкин, М. И. Буянов, Е. М. Вроно, В. С. Собкин, А. М. Прихожан, М. Раттер, Д. И. Фельдштейн и др.); раскрыты вопросы профилактики жестокого обращения с детьми, коррекции их поведения и реабилитации (Н. А. Асанова, Е. Н. Волкова, Н. В. Курасова, В. Г. Маралов, А. Н. Моховиков, Т. Я. Сафонова и др.).

Недостаточная изученность проблемы проявления агрессивности у подростков с опытом насилия (жестокого обращения) в семье обусловила проведение данного эмпирического исследования.

Организация исследования и его результаты. Исследование проводилось в марте-апреле 2014 г. на базе учреждений общего среднего образования г. Бреста. В нем приняли участие 60 подростков в возрасте 14–15 лет, которые составили две группы респондентов: юноши, подвергающиеся насилию ($n = 30$), и девушки, подвергающиеся насилию ($n = 30$). Для удобства анализа данные группы респондентов условно были обозначены как «юноши» и «девушки». Критериями для отбора группы респондентов с опытом насилия в детско-родительских отношениях в данном исследовании выступила субъективная оценка подростками методов воспитания родителей (на основании методики «Родителей оценивают дети» И. А. Фурманова, А. А. Аладьина) [8].

В качестве метода исследования нами использовался опросник уровня агрессивности Басса-Дарки [9]. Ввиду того, что проявления агрессии многообразны, целесообразным, на наш взгляд, является ограничение изучения данного феномена концептуальными рамками, предложенными А. Бассом. По его мнению, агрессивность можно описать на основании трех шкал: физическая – вербальная, активная – пассивная и прямая – непрямая, комбинация которых дает восемь возможных проявлений готовности к большинству агрессивных действий [10]. Возможность структурированного подхода к диагностике агрессивности и обусловила выбор данной методики.

В ходе проведения эмпирического исследования было установлено, что юноши и девушки с опытом насилия в детско-родительских отноше-

ях не различаются по уровню выраженности агрессивных тенденций ($\varphi_1^* = 1,54, p \leq 0,01$). При этом, согласно ранее проведенным исследованиям, у подростков (юношей и девушек в целом) с опытом насилия в семье уровень агрессивности значительно выше, чем у подростков без опыта насилия в семье (Л. С. Алексеева) [1].

Однако в исследуемых группах выявлены особенности в уровне выраженности отдельных компонентов-шкал у юношей и девушек подросткового возраста с опытом насилия в семье.

Выраженность среднегрупповых значений агрессивности по шкалам опросника у юношей и девушек – жертв насилия представлена на рис. 1.

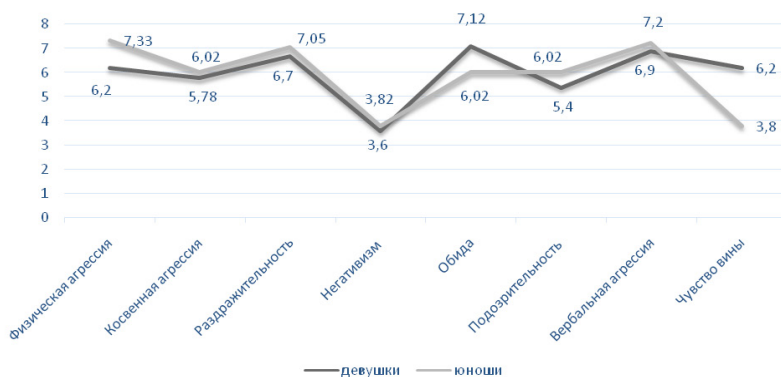


Рис. 1. Выраженность среднегрупповых показателей агрессивности у юношей и девушек, подвергавшихся насилию

Результаты, представленные на диаграмме, показывают, что подросткам с опытом насилия в семье характерны средние и выше среднего показатели по шкалам опросника уровня агрессивности Басса-Дарки. При этом сравнение среднегрупповых показателей со значениями среднестатистической нормы по каждой шкале отражает высокий уровень всех параметров измеряемого свойства в группе подростков – жертв насилия. Преобладающей формой агрессивного поведения у подростков с опытом насилия в семье является физическая и вербальная агрессия, что, возможно, выступает результатом одной из форм идентификации с агрессором или желанием отыграться за перенесенную физическую боль на более слабых или менее опасных, чем агрессор, людях. При этом юношам проявление физической агрессии характерно в большей степени, чем девушкам.

Также юношам – жертвам насилия присущи высокие показатели по шкалам «раздражительность» и «вербальная агрессия».

В группе девушек-подростков с опытом насилия преобладающими формами агрессивности являются «обида», «вербальная агрессия», «раздражительность» и «чувство вины», что может свидетельствовать о том, что девушки – жертвы насилия в большей степени, чем юноши, склонны ориентироваться в проживании насилия на себя, становиться замкнутыми, винить себя за акт насилия над

ними, и в меньшей степени, чем юноши, готовы к прямой агрессии и физическому отреагированию боли.

В наименьшей степени юношам и девушкам – жертвам насилия присущ негативизм, что может свидетельствовать о тенденции подростков к самооправданию при совершении агрессивных действий и, как следствие, отсутствию угрызений совести о содеянном. Невысокий уровень негативизма, понимаемого в концепции Басса-Дарки как оппозиционная манера поведения, обычно направленная против авторитета и проявляющаяся как в форме пассивного сопротивления, так и в форме активной борьбы против действующих правил, норм, обычаев, может быть объяснен тем, что по мере взросления подростки 14–15 лет начинают чаще прислушиваться к мнению авторитетов и поступать более осознанно и взвешено, чем дети 11–13 лет.

Проверка различий уровня агрессивности в группах респондентов статистическими методами (критерием t-Стьюдента) позволяет отметить, что юношам – жертвам насилия в большей степени свойственно проявление физической агрессии ($t_{\text{эмп}} = 7,9$, $p \leq 0,01$), чем девушкам с опытом насилия в семье; девушкам – жертвам насилия в большей степени характерны обида ($t_{\text{эмп}} = 7,9$, $p \leq 0,01$) и чувство вины ($t_{\text{эмп}} = 9,2$, $p \leq 0,01$). Различий в готовности использовать иные формы агрессии (косвенная агрессия, раздражительность, вербальная агрессия и др.) у юношей и девушек, подвещающих насилью, не выявлено.

Для наглядности выявленных межгрупповых различий выраженности агрессивности у юношей и девушек – жертв насилия приведем пример социально-психологической характеристики подростков:

Екатерина, 14 лет, жертва физического насилия. Средний уровень общительности, предпочитает компанию старших ребят, среди сверстников общается с «сильными». На контакт со взрослыми идет неохотно, но держится весьма раскованно. Легко возбудимая, вспыльчивая и раздражительная, склонна к агрессии (вербальной) по отношению к более слабым, чем она, сверстникам и тем, кто недоброжелателен по отношению к ней. О себе разговаривать не желает, замыкается, физически реагирует импульсивными действиями («ломание» пальцев и рук). Агрессивно реагирует на возможность разговора о физических наказаниях в семье, отказывается об этом разговаривать («не ваше дело»).

Евгений, 14 лет, жертва физического насилия в семье. Активен, энергичен, склонен к девиантному поведению, проявляет физическую агрессию по отношению к более слабым сверстникам и младшим, не подбирает вербальных выражений собственной злости (ругается матом, склонен к вербальным унижениям одноклассников), вспыльчив и раздражителен, на контакт со старшими идет неохотно, колко отвечает на вопросы и замечания взрослых. В собственной агрессивности не видит ничего плохого, считает, что другие сами виноваты, что не могут постоять за себя.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что при высоком относительной подростковой нормы уровне агрессивности у подростков – жертв насилия в уровне агрессивности у юношей и девушек – жертв насилия не существует статистически достоверных различий. Выявлены межгрупповые гендерные различия у подростков в готовности использовать различ-

ные формы агрессии: юношам – жертвам насилия в большей степени, чем девушкам, присуща готовность к проявлению физической агрессии, в то время как девушкам – жертвам насилия в большей степени присущи обида и чувство вины.

Список использованных источников

1. *Алексеева, И. А.* Физическое насилие над детьми и подростками в семье на опыте кризисной службы / И. А. Алексеева, А. Р. Сейсян / Дети России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 1–3 окт. 1997 г. / МГУ. – М., 1997. – С. 14–26.
2. Руководство по предотвращению насилия над детьми / И. К. Асанова. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 318 с.
3. *Орлов, А. Б.* Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи / А. Б. Орлов // Психолог в детском саду. – 2000. – № 2–3. – С. 182–187.
4. *Зиновьева, Н. О.* Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова. – СПб.: Речь, 2005. – 248 с.
5. *Фурманов, И. А.* Психологические последствия насилия над детьми / И. А. Фурманов // Избранные научные труды Белорусского государственного университета. В 7 т. Т. 1. Педагогика. Психология. Социология. Философия. – Минск: БГУ, 2001. – С. 183–190.
6. *Берковиц, Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
7. *Фрейд, А.* Психология Я и защитные механизмы / А. Фрейд. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.
8. *Слепкова, В. И.* Психологическая диагностика семейных отношений / В. И. Слепкова, Т. А. Заeko. – Мозырь: Содействие, 2006. – 196 с.
9. *Столяренко, Л. Д.* Основы психологии. Практикум / Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 704 с.
10. *Бэрон, Р.* Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

(Дата подачи: 20.02.2016 г.)

А. М. Гадилия

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. M. Gadiliya

Belarusian State Economic University, Minsk

С. А. Месникович

Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, Минск

S. A. Mesnikovich

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 159.9

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

THE VITAL PURPOSES IN THE STRUCTURE OF THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS

В статье осуществлен психологический анализ проблемы жизненных целей. Описываются место и роль жизненных целей в контексте профессионального образования